

ВПЕРВЫЕ НА РУССКОМ ЯЗЫКЕ!

СТИВЕН
КРЕЙН

*Третья
Фиалка*

Стивен Крейн
Третья фиалка
Серия «В поисках утраченного
времени (РИПОЛ)»

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=54908673

*Третья фиалка / С. Крейн ; [пер. с англ. В. М. Липки; пер. вступит., ст.
А. И. Кудрявицкого]: РИПОЛ классик; Москва; 2018
ISBN 978-5-386-10681-2*

Аннотация

«Третья фиалка» – это романтическая история любви божемного и безнадежного художника-импрессиониста по имени Билли Хокер к Грейс Фэнхолл, девушке из преуспевающей семьи. Герои из двух очень разных миров пытаются примириться с пороками друг друга, чтобы быть вместе. Их опьяняют чувства, но ни один из них не намерен уступить.

Содержание

Третья фиалка	5
Глава I	5
Глава II	11
Глава III	16
Глава IV	22
Глава V	28
Глава VI	33
Глава VII	38
Глава VIII	44
Глава IX	49
Глава X	54
Конец ознакомительного фрагмента.	58

Стивен Крейн

Третья фиалка

Stephen Crane

The Third

Violet

Перевод с английского В. М. Липки

Перевод вступительной статьи А. И. Кудрявицкого

© Кудрявицкий А. И., перевод на русский язык, статья,
2018

© Липка В. М., перевод на русский язык, 2018

© Издание, оформление. ООО Группа Компаний «РИ-
ПОЛ классик», 2018

Третья фиалка

Глава I

По пологому склону извилистой долины, натужно пыхтя, взбирался паровоз. С высоты своего положения на потуги черного чудища взирали серые скалы да мудрено цеплявшиеся корнями за косогор деревья.

Когда поезд наконец выпустил пассажиров на волю, те с рвением беглых каторжан ринулись вперед. На перроне небольшой горной станции воцарилась невообразимая суматоха. Поглазеть на высадку партии горожан собрались деревенские бездельники и философы. Прибывшие, навьюченные вещами, в окружении многочисленных отпрысков, стеной двинулись на возниц дилижансов. Те, в свою очередь, стеной двинулись на горожан.

Прижимая к себе чемодан и краски, Хокер неловко двинулся вниз по ступеням вагона. В этот момент висевший у него на плече мольберт сорвался и ударил по голове мальчонку, спускавшегося спиной вперед со всеми мыслимыми мерами предосторожности.

– Привет, малыш, – сказал он, – больно?

Ребенок молча поднял на него глаза, в которых тут же мелькнул проблеск интереса, будто Хокер привлек его вни-

мание к какому-то диковинному явлению. Молодой живописец вежливо ждал, когда пацан закончит свой осмотр и придет к какому-то выводу, но тут за его спиной раздался голос:

– Роджер, что ты застрял? А ну марш вниз!

Как оказалось, другой конец мольберта перегородил дорогу няне, которая вела за руку маленькую девчущку. Мальчик продолжил свое опасливое сошествие вниз.

Возницы сбились в огромную шумную кучу, напрочь растворившую в себе индивидуальность каждого из них. С чрезвычайно важным видом, будто он – человек, гордый нести столь тяжкое бремя обязанностей, поездной носильщик стал швырять дорожные сундуки и другую кладь своим собратям на перроне. Пробираясь сквозь толпу, Хокер услышал за плечом голос:

– Вы не видели дилижанс в «Хемлок Инн»? В пансионат?

Он повернулся и увидел молодую женщину, устремившую на него взор. Волосы молодого человека взъерошила волна удивления, и уже в следующее мгновение он отвел глаза, опасаясь, как бы незнакомка не заметила, что он ее разглядывает.

– Ну как же, – ответил он, – думаю, мне не составит труда его найти.

Одновременно с этим его внутренний голос зашелся криком: «Однако! Вот бы ее написать! Какой взгляд, сколько в нем глубины, dna не разглядеть! С ума сойти можно!»

Он яростно заметался между возницами: наверняка этот

экипаж где-то здесь.

Наконец молодой художник заметил какого-то человека, наблюдавшего за его метаниями с выжидательной ухмылкой на лице.

– Эй! – воскликнул Хокер. – Вы едете в «Хемлок Инн»?

Тот кивнул.

– Вот он, ваш экипаж, – повернулся живописец к молодой женщине, которая ответила ему улыбкой.

Возница усадил Хокера с вещами в глубь дилижанса. Тот сел и подался вперед, чтобы не пропустить волнительный момент, когда девушка появится в освещенном проеме дверцы. И она действительно появилась. За ней шествовали мальчуган, девочка, няня и еще одна молодая женщина, в которой можно было тут же узнать мать этих двух ребят-шек. Коротким победоносным жестом девушка указала на экипаж.

Когда они удобно расположились на сиденьях, мальчик посмотрел на Хокера и тут же его узнал.

– Мне действительно стало больно, но сейчас уже прошло, – весело заявил он.

– В самом деле? – ответил Хокер. – Я не хотел, прости.

– Ерунда, чего уж там, – продолжал парнишка, храбро болтая ножками в красных кожаных гетрах, – я никогда не плачу, когда мне больно.

С этими словами он бросил многозначительный взгляд на сестренку, которая тут же надула в свою защиту пухлые губ-

ки.

Кучер забрался на козлы, бросил пристальный взгляд на пассажиров, сидевших наверху, и весело гикнул лошадям, которые задумчиво затрусили вперед. За дилижансом клубилась пыль, маячившие впереди зеленые холмы в вечернем воздухе казались спокойными и безмятежными, их заливали косые, золотистые закатные лучи, а лимонно-розовые тона на небе свидетельствовали о том, что солнце вот-вот спрячется за горизонт. В пути кучер, видимо знакомый здесь с очень многими, то и дело перебрасывался приветствиями с встречающимися по дороге людьми; голос у него был громовым.

Дети расположились напротив Хокера и теперь, как и положено, сидели прямо, будто прилипнув к подушкам. Их огромные глаза, казалось, оценивают молодого художника.

– Как думаете, в этих краях здорово? – спросил мальчик. – Лично я считаю, что да.

– Мне здесь нравится, – ответил Хокер.

– Я буду рыбачить и охотиться. Может, даже убью медведя.

– Надеюсь.

– А вы когда-нибудь стреляли медведей?

– Нет.

– Я тоже не стрелял. Но мне ждать уже недолго, мистер Холланден обещал какого-нибудь присмотреть. У нас дома...

– Роджер, – перебила его сидевшая рядом с художником мать, – не надо думать, что всем интересны твои разговоры.

Ее вмешательство мальчика, вероятно, смутило – он молча откинулся назад и с извиняющимся видом посмотрел на Хокера. Теперь карета стала взбираться на холм, и детям, чтобы не упасть на няню, пришлось крепко схватиться за поручни.

Судьба распорядилась так, что Хокер мог наблюдать за девушкой с бездонными глазами, лишь подавшись вперед, но тем самым он бы обнаружил к ней свой интерес. Так что ему не оставалось ничего другого, кроме как ерзать на сиденье, довольствуясь мимолетными видениями щеки, руки или плеча, когда подпрыгивавшая на ухабах карета швыряла пассажиров из стороны в сторону.

Кучер приоткрыл окошко и крикнул:

– Нынче поезд опоздал на целый час! Раньше девяти часов нам ни в жисть не добраться! Хотите или нет, но добрую часть пути придется проделать в темноте.

Хокер благопристойно подождал, потом спросил:

– Да?

– Вот я ж о том и говорю, – откликнулся кучер. – Луны-то ведь нет.

Он наклонился, пытаясь рассмотреть молодого художника, и проревел:

– Эге, да ты, никак, сынок Джима Хокера?

– Совершенно верно.

– Ага. Я-то сразу смекнул, что видел тебя раньше. Теперь, стало быть, ты в городе обосновался, да?

– Ага.

– Сойдешь на перекрестке?

– Если можно.

– Так-так, значит, приехал погостить летом?

– Ну да.

– Это... если сойдешь на перекрестке, с тебя только двадцать пять центов. Юсетер берет пятьдесят, но я считаю это блажью. Так не годится. Лучше пешком идти, чем платить пятьдесят центов. Да-да. Так что я беру только двадцать пять.

Лицо Хокера приняло убийственное выражение. Он бросил мимолетный взгляд на девушку. Та без остатка была поглощена оживленным разговором с матерью мальчика и девочки.

Глава II

Когда Хокер толкнул створку ворот, из-за сломанной петли та сразу не поддавалась. На него оглушительно и злобно залаял пес, тут же метнувшись к нему по траве.

– Стэнли! – закричал молодой художник. – Здравствуй, старина.

Боевой запал собаки тут же угас и сменился восторженным визгом. Чтобы выразить охватившую его радость, бело-рыжий сеттер совершил головокружительный кульбит: подпрыгнул и выгнулся фантастической дугой, чуть не коснувшись мордой хвоста. В довершение всего он несколько раз тьякнул, чтобы выпустить наружу эмоции.

– Экий ты молодец, – произнес Хокер, и сеттер в избытке чувств снова взвился в воздух.

На кухне горел огонь, и стоило собаке залаять, как дверь распахнулась. На пороге выросли две сестры Хокера: прикрыв козырьком глаза, хотя солнце давно уже село, они посмотрели в сторону калитки и хором завопили:

– Это он! – После чего выскочили из дома и, повиснув на Хокере, зачастили: – Боже праведный, это же Уилл! Уилл приехал! Как же мы рады тебя видеть!

В вихре восклицаний и вопросов, на которые Хокер не успевал отвечать, они выхватили у него чемодан, ящичек с красками и мольберт и потащили к дому.

Старушка мать сидела в кресле-качалке у стола, рядом лежали какие-то бумаги. Когда Хокер переступил порог, она как раз надевала очки, подслеповато шурясь.

– Здравствуй, мама! – крикнул молодой человек. В его глазах плескалась радость.

Мать протянула руки, обняла его за шею и что-то невнятно прошептала. Пес теперь носился по комнате, восторженно задирая вверх морду. Это несносное создание было уверено, что играет главную роль в церемонии радушного приема долгожданного гостя, полагая, что другим делать нечего, как внимательно следить за каждым его суматошным движением.

– Ты уже ужинал? – спросила мать, немного придя в себя.

Сестры без конца выстреливали в Хокера фразы:

– Папа в амбаре, Уилл. Почему ты так припозднился? Он уже хотел ехать к перекрестку, чтобы встретить дилижанс там. Может, даже в самом деле уехал. Что задержало тебя в пути? Да, слушай, у нас же новый экипаж!

– Так ты уже ужинал? – обеспокоенно повторила мать.

– Нет, – ответил Хокер. – Но...

Три женщины тут же засуетились:

– Не волнуйся, мы быстро, сейчас все будет готово.

Они устроили на кухне настоящий переполох, перекликаясь друг с другом радостными голосами; доставая новые припасы, сестрички то и дело ныряли в подвал.

На выложенной камнями дорожке, тянувшейся от амбара

до входной двери, слышались тяжелые шаги, и уже в следующее мгновение со двора донесся возглас:

– Здравствуй, Уильям, вот ты и дома!

Добродушно топая, в комнату вошел седовласый отец Хокера.

– Я думал, ты заблудился. Собирался уже ехать тебя искать, – добавил он, широко улыбаясь и пожимая сыну руку. – Где ж ты так задержался?

Пока молодой человек уплетал ужин, члены семьи сидели рядом и смотрели на него горящими глазами. Сестры, разумеется, обратили внимание на его галстук, задали несколько вопросов о том, что носят в городе, и высказали по этому поводу свои соображения. Мать внимательно следила за тем, чтобы Хокер досыта поел консервированной вишни.

– В детстве ты ее так любил, – сказала она.

– Да, Уилл, – закричала младшая сестра. – Помнишь Лиль Джонсон? Помнишь, да? В июне она вышла замуж.

– Мать, комната для нашего мальчика готова? – спросил отец.

– Мы привели ее в порядок еще утром, – ответила та.

– А Джеффа Декера помнишь? – воскликнула старшая сестра. – Так его больше нет. Вот так. Ловил щук и утонул, бедолага!

– Ну и как твои дела, Уильям? – спросил отец. – Много картин продал?

– Одну, да и ту по случаю.

– Видели твои иллюстрации в майском номере «Перкинсон’з». – Он немного помолчал и тихо добавил: – Как по мне, неплохо.

– А что нового у вас?

– Без изменений, все то же самое. На прошлой неделе сорвался жеребенок, но, слава богу, бед не натворил. Я испугался, потому как запряг его в новую коляску – мы купили ее совсем недавно, – но она ничуть не пострадала. Осенью собираюсь продать скотину, не хочу возиться с ней зимой. А весной куплю небольшой табунок лошадок. Пять акров земли пришлось опять сдать в аренду Джону Уэстфоллу, потому как с одним-единственным работником я едва тут управляюсь. Жизнь вроде бы как налаживается, однако до благоденствия еще далеко.

– А у нас в школе новая учительница, – вставила слово одна из сестер.

– Уилл, ты даже не обратил внимания на мое новое кресло, – произнесла мать, показывая на кресло рукой. – Я специально поставила его здесь, чтобы ты увидел, но ты даже не заметил. Милое, правда? Отец купил его в Монтичелло на мой день рождения. Я думала, оно сразу бросится тебе в глаза.

Когда на улице окончательно стемнело, Хокер ушел в свою комнату, поднял оконную раму, сел у окна и закурил. Ноздри сладко щекотал аромат дерева и полей. Во тьме воспевали известную оду ночи сверчки. На черной кромке го-

ры тянулись два длинных ряда светлячков – это сиял огнями
«Хемлок Инн».

Глава III

У Хокера был друг-литератор по фамилии Холланден. Еще в Нью-Йорке он выразил желание провести лето в «Хемлок Инн».

– Не желаю видеть, как мир движется вперед, – заявил он, – проживу-ка я лучше немного в Салливане¹.

Утром Хокер взял все необходимое для занятий живописью, вышел из дома и отправился блуждать по полям. Побродив достаточно долго, чтобы убедить себя в полном отсутствии желаний направлять стопы в пансионат, он в аккурат туда их и направил. Было лишь девять часов утра, и молодой человек прекрасно понимал, что повидаться с Холланденом раньше одиннадцати нечего и надеяться, потому как друг только с чужих слов узнавал, что солнце уже встало и за окном стоит далеко не раннее утро.

Молодой художник расположился на краю зеленеющего поля, на которое отбрасывали оливковые тени деревья. Над ним нависало бледно-голубое, как на китайском сервизе, небо, усеянное небольшими разнокалиберными облаками. Но вся эта красота служила Хокеру лишь прикрытием, чтобы внушить стороннему наблюдателю мысль о том, будто он усердно делает наброски сосен на том самом холме, где сиял

¹ Салливан – округ штата Нью-Йорк. Образован в 1809 году, административный центр – город Монтичелло. – *Здесь и далее примеч. пер.*

красными дверьми «Хемлок Инн».

Наконец пейзаж своим появлением оживил молодой человек в белом фланелевом костюме.

– Привет, Холли, отойди в сторону, не нарушай гармонию цвета, – махнул ему кистью Хокер.

Услышав, что его окликнули, владелец белого костюма опасливо опустил глаза и посмотрел себе под ноги. Потом широко улыбнулся и подошел ближе:

– Кого я вижу? Хокер! Здравствуй, старина!

Он присел на большой камень и принялся вглядываться в сосны на холсте Хокера, то и дело переводя взгляд с изображения на оригинал.

– Слушай, – вдруг произнес он, – почему бы тебе не жениться на мисс Фэнхолл?

Хокер сжимал в зубах кисть, но после этих слов тут же выхватил ее и спросил:

– Жениться на мисс Фэнхолл? На какой еще мисс Фэнхолл, черт бы тебя побрал?

Холланден обхватил руками коленку и задумчиво отвел в сторону глаза:

– Эх ты, это такая девушка...

– Что ты говоришь?

– Да-да. Она приехала накануне вечером вместе со свояченицей и небольшим выводком юных Фэнхоллов. Я так полагаю, их там штук шесть.

– Двое, – возразил Хокер, – мальчик и девочка.

– Откуда тебе... Ах да, ты, вероятно, с ними ехал. Ну конечно. Стало быть, ты ее видел.

– Так это была она? – равнодушно спросил Хокер.

– Это была она? – возмущенно передразнил его Холланден. – А то кто же!

– Вот оно что, – ответил Хокер.

Холланден вновь погрузился в размышления.

– У нее много денег, – сказал он, – просто куры не клюют. И на мой взгляд, она достаточно глупа, чтобы проникнуться к тебе симпатией, особенно с учетом твоего звания художника. Весьма зажиточная, хотя и не кичащаяся своим состоянием семья. Для тебя это было бы просто здорово. Думаю – да нет, что там, я совершенно уверен! – что она и правда достаточно глупа, чтобы проникнуться к тебе симпатией. И если бы ты не был таким безнадежным болваном...

– Холли, помолчи, сделай милость, – сказал художник.

На какое-то время Холланден действительно умолк, как его просили, но потом заговорил опять:

– Даже не догадываюсь, зачем они сюда приехали. Должно быть, у свояченицы слабое здоровье. Что-то в этом роде. Она...

– О господи! – воскликнул Хокер. – Тебе что, больше поговорить не о чем?

– Стало быть, ты ее видел, да? – спросил Холланден. – Чего же тогда ожидать от такого человека, как я? Если уж ты, старая дубина...

– Было темно, – запротестовал художник.

– Темно ему было! – сердито повторил Холланден. – А если даже и так, то что?

– Согласись, что подобные обстоятельства меняют представление о рассматриваемом предмете.

– Меняют... Скажешь тоже... К тому же на железнодорожной станции в любом случае было светло. И будь у тебя хоть капля смелости... О-хо-хо, сегодня утром я встал ни свет ни заря! Скажи-ка, ты в теннис играешь?

– Немного, – кивнул Хокер. – А почему ты спрашиваешь?

– Да так... – грустно ответил Холланден. – Барышни Вустер подняли меня еще до завтрака и потащили играть. Там полно и других сумасшедших любителей этого занятия, которые доберутся до меня в самое ближайшее время. Теннис – это ужасно.

– Как же так, ведь обычно ты не привык рвать ради кого-то жилы? – заметил Хокер.

– Так-то оно так, но там, – Холланден показал большим пальцем на пансионат, – все считают меня милым, симпатичным парнем.

– Ну, ничего, я как-нибудь приду и вытащу тебя из этого затруднения.

– Давай, – засмеялся Холланден. – Как раз сыграешь на пару с мисс Фэнхолл против меня и одной из барышень Вустер.

Заглядевшись на окрестный пейзаж, он вновь погрузился

в размышления. Хокер изо всех сил пытался сосредоточить мысли на сделанном им наброске.

– Эти волосы... эти глаза... такие цвета всегда разили меня наповал, – мягко заметил Холланден.

– Какие волосы? Какие глаза? – раздраженно покосился на него Хокер. – Я начинаю подозревать, что ты рехнулся.

– Какие волосы? Какие глаза? – передразнил его Холланден, сопровождая свои слова гневным жестом. – Что бы ты понимал, чурбан несчастный...

– Ну, что касается цвета, – тихо молвил Хокер, возвращаясь к работе, – то в этом я как раз понимаю.

Он хмуро посмотрел на холст, потом перевел взгляд на поле перед ним и произнес:

– Вместо того чтобы заботиться о моем будущем, ты бы лучше подумал о себе.

– О себе! – с чувством воскликнул Холланден. – Мой дорогой друг, мое прошлое помечено мраком и тоской. Да у меня...

– Если у тебя что-то, а точнее кто-то, и есть, то только ребенок, – сказал Хокер, глядя другу в глаза.

– Ну да, конечно, – ответил Холланден, качая головой с мудростью пессимиста, – разумеется.

– Брось, Холли, – резко сбавил тон Хокер. – Я не хотел тебя обидеть, но ты просто смешон: сидишь здесь, стенаешь, разглагольствуешь о волосах и глазах.

– Ничего смешного в этом нет.

– Есть, еще как есть, и ты, Холли, это прекрасно знаешь. – Он безнадежно махнул рукой. – Зато ты ехал с ней в поезде, а потом в дилижансе.

– В поезде я ее не видел, – возразил Хокер.

– Зато видел в экипаже. Ах ты, старый плут! Я ночи не сплю, а он спокойно сидит и сказки мне рассказывает.

Холланден спрыгнул с камня и схватил Хокера за плечи.

– Прекрати! – сказал художник.

– Старый плут, ты мне соврал! Соврал! Ну, держись, черт бы тебя побрал, она как раз направляется к нам!

Глава IV

Через несколько дней Холланден, обращаясь к другу, сказал:

– По моим подсчетам, в «Хемлок Инн» сейчас сорок два человека. Из них полтора десятка дам среднего возраста, выступающих с позиций воинствующей благопристойности. Зачем приехали сюда, непонятно, разве что оказаться на одной территории с кем-то еще и испортить всем настроение. Они собираются вместе на крыльце и проверяют на прочность характеры с таким важным видом, будто составляют собой небесный суд присяжных. Приехав в сюда, я тут же окинул окрестности внимательным взглядом, увидел это благородное собрание и закричал: «Вот и они!» Потом, едва переодевшись, влился в их общество в попытке его умиротворить. Теперь практически каждый день я сажусь среди них и вру как заведенный. В глубине души я, конечно, считаю, что их надо повесить, но внешне буквально сочусь восторгом. Знаешь, одна из них не выходила наружу уже восемь дней подряд. Этим утром я сказал ей: «Продолжительные прогулки на свежем воздухе приносят огромную пользу, мэм». А еще я без конца талдычу: «Ваша прямота просто очаровательна!» Разумеется, мне прекрасно известно, что в соответствии с великим законом вселенского равновесия эта ассамблея кумушек считает себя идеальной, а всех осталь-

ных – порочными. Но я держусь, дружище. Я расточаю им комплименты. Как следствие, худшим, что мне приходилось от них слышать, была фраза: «А ведь этот мистер Холланден совсем не такой, как другие!» Хм, для литератора это совсем неплохо. – Холланден на минуту задумался и добавил: – Я не иронизирую. Они – славные жены, замечательные матери и все такое прочее. Да что там, ты и сам знаешь. Но до чего же они консервативны! Очень консервативны, – повторил он. – Ненавидят все радикальное. Просто терпеть не могут. Полагаю, потому, что и сами когда-то были такими. Иногда в своих суждениях попадают в самую десятку. Что немудрено, ведь если стрелять такими залпами, кого-нибудь обязательно заденешь. Чтоб их черти забрали!

Хокер наконец осмелился задать глубокомысленный вопрос:

– И откуда такие только берутся? Подумать только, почти в каждом летнем пансионате...

– Вот-вот, – подхватил Холланден, – почти в каждом пансионате. Специально изучая этот вопрос, я установил, что подобного рода собрание является чуть ли не предметом мебелировки в таких местах.

– Вне всяких сомнений, – согласился Хокер. – Зимой, казалось бы, их нет и в помине, но стоит заглянуть в какой-нибудь семейный пансионат, как только начинает пригревать солнце, тут же обнаруживается, что...

– Это уж точно, – кивнул Холланден, – будь уверен. Кста-

ти, у тебя в характере нет изъянов, слишком явно бросающихся в глаза?

– Нет, – ответил Хокер, немного подумав. – Из недостатков у меня только один, хотя и основополагающий – бедность.

– Ну да, ну да, – промямлил Холланден. – Это-то и плохо. Ручаюсь, они вцепятся в тебя мертвой хваткой. Особенно когда ты зачастишь сюда, чтобы видеться с мисс Фэнхолл.

Хокер бросил на друга гневный взгляд и заметил:

– Да, в разговорах ты отличаешься поистине дьявольской прямоотой.

– Дьявольской прямоотой, говоришь? – воскликнул Холланден. – Да эта, как ты называешь, дьявольская прямоота не идет ни в какое сравнение с твоими нежными чувствами к мисс Фэнхолл, которые бросаются в глаза примерно так же, как женская нижняя юбка на живой изгороди.

– Для тебя, прожженного кота, они, может, и очевидны. Но из этого еще не следует, что их также заметят твои старые курицы.

– Уверяю тебя, стоит им посмотреть на тебя повнимательнее, как они тут же все поймут. Это плохо. Я бы даже сказал, очень плохо. Что с тобой? Неужели ты раньше никогда не влюблялся?

– А вот это уже не твое дело, – буркнул Хокер.

Холланден помолчал несколько мгновений и наконец признал:

– Ну, хорошо, то, что ты влюбился, это, конечно, правильно, но я не могу видеть, как глупо ты себя ведешь.

Лицо Хокера вспыхнуло от гнева.

– Повторяю: это не твое дело! – выкрикнул он и посмотрел собеседнику в глаза.

Холланден со значительным видом хлопнул себя по коленкам и заявил:

– Да, так оно и есть! Только в сто раз хуже, чем я думал. По-моему, у тебя в голове полная каша.

– А если даже и так? – ответил Хокер и махнул рукой, выражая этим жестом все свое отчаяние.

Холланден посмотрел на него критически.

– Скажи-ка, – воскликнул он с белозубой улыбкой, – а если ее завтра не будет на пикнике? Ты ведь не забыл про пикник? Утром она сказала, что еще не знает, сможет ли пойти. Насколько мне известно, к ним из Нью-Йорка должен кто-то приехать. Тебя это что, убьет? А?

– Ты дьявольски умен! – со зловещей иронией в голосе произнес Хокер.

Холланден по-прежнему играл роль стороннего наблюдателя.

– А еще же ведь есть соперники! Наверняка прячутся за каждым деревом. Такая девушка, как она, это тебе не шутки. Да и потом, не забывай о деньгах! Знаешь, твои конкуренты, должно быть, достаточно многочисленны для того, чтобы составить из них целую бригаду. Представь, как они ко-

пошатся вокруг! Хотя на самом деле это не так важно, – весело продолжил он, – здесь у тебя все козыри на руках. Но тебе надо их перед нею раскрыть, понимаешь? Будь добродушен, как часовой на сторожевой башне. Соперники? Смеяться над ними позволительно самое большее раз в неделю, да и то всячески демонстрируя образцовую терпимость. Понимаешь, да? Будь добродушен, но убедителен в своих уколах.

– И редкая же ты скотина, Холли! – воскликнул Хокер. – Даты...

– Да-да, я знаю, – миролюбиво ответил Холланден. – Редкая скотина, кто бы сомневался. – Потом он устремил взор вдаль и прошептал: – Что-то он меня беспокоит, этот пикник... Хотел бы я знать, придет она или нет. Боже мой, что я такое говорю? Ее же можно заставить!

– Заставить? Что ты собрался делать? – закричал художник, вновь выходя из себя.

– Ну надо же, а! – В порыве чувств Холланден махнул рукой. – Какой же ты дурачок! Только и можешь, что молча вздыхать, уж поверь мне на слово.

В этот момент Хокера охватило глубокое отвращение к себе.

– Знаешь, Холли, подобные вещи... – Он осекся и уставился на деревья. – Такие вещи... они...

– Ну-ну, продолжай, – поощрил его Холланден.

– Выставляют тебя самодовольным идиотом, сующим нос

не в свои дела! – внезапно выкрикнул Хокер.

– Слушай, а что ты сделал с фиалкой, которую она уронила вчера у теннисного корта? – рассмеялся в ответ Холланден.

Глава V

Прилагая массу усилий, барышни Вустер, миссис Фэнхолл с двумя детьми и Холланден медленно спустились вниз по каменистой тропе. Мисс Фэнхолл и Хокер остались на выступе скалы. Холланден проявил немалое рвение, чтобы сводить всю компанию к подножию водопада. На их глазах за деревьями с грохотом низвергался поток воды, образуя белый, сияющий сноп брызг, от которого трепетали листья.

– А куда подевались мисс Фэнхолл и мистер Хокер? – спросила младшая мисс Вустер. – Нет, правда, где они?

– Миллисента, – ответил Холланден, ласково глядя на нее, – вы всегда так трогательно заботитесь об окружающих.

– Но мне действительно интересно, где они.

– Послушайте, мистер Холланден, а что делает литераторов такими особенными? – воскликнула старшая мисс Вустер, устроившаяся на подушке из мха у подножия водопада, где зеленая вода низвергалась в каменную чашу, вздымая серебристые облака.

– А все только потому, что я заявил, будто мог бы сотворить пищеварительный тракт и получше Создателя, если, конечно, принять на веру, что мой сколотил именно он, – с упреком в голосе произнес Холланден, подошел к мальчику и оттащил его от края обрыва. – Если вы, Роджер, туда упадете, то вам ни за что не реализовать намеченный план стать

в 1907 году защитником команды Йельского университета. По правде говоря, мисс Вустер, – вновь обратился он к себе-седнице, – я не знаю ответа на ваш вопрос. Мне приходилось спрашивать об этом очень многих писателей, но ни один из них так ничего толком и не ответил. Могу вам даже сказать, что эта проблема не дает мне покоя уже много лет. Если хотите, давайте я расскажу вам свою собственную историю, посмотрим, прольет ли она свет на поднятый вами вопрос.

Он задрал вверх подбородок и стал оглядывать окрестности – до тех пор, пока его взгляд не наткнулся на две смутные фигурки, стоявшие на вершине скалы.

– Да, давайте я расскажу вам свою собственную историю...

Миссис Фэнхолл с интересом посмотрела на него, а старшая барышня Вустер воскликнула:

– Давайте, давайте!

Бросив еще один взгляд на два силуэта на вершине скалы, Холланден с видом истинного оратора расположился на большом валуне, пережившем на своем долгом веку множество бурь:

– Перво-наперво, вы должны понимать, что я начал свою карьеру – да-да, карьеру, не забывайте об этом! – полный решимости стать пророком. И хотя впоследствии злая судьба уготовила мне удел акробата, циркового медведя журналов и жонглера юмористических газетных заметок, в один прекрасный день на моих устах запечатлелась улыбка, из-за

которой многие меня просто возненавидели – по той простой причине, что она донимала их, словно банши², каждый раз, когда на них находил приступ самодовольства. Время от времени меня ставили в известность, что каких-либо значимых прорех в великом полотне Вселенной от меня не образовалось, потом я узнал, что примерно один из двух тысяч человек, с которыми мне доводилось видеться, когда-либо обо мне слышал, но из таковых – слышавших – четыре пятых практически сразу меня забывали. А из тех, кто все же запомнил, половина считали мою литературную деятельность наглым высокомерием. Я с этим смирился, а для защиты взял на вооружение максиму, гласящую, что в этом мире каждого умного человека окружают два десятка дураков. Если вы обожаете математику, то подобный вывод должен вас заинтересовать. Со временем мне удалось развить в себе непомерное чувство собственного достоинства; этого хватило, чтобы другие представители рода человеческого, узнав, что я занимаюсь сочинительством, тут же проникались ко мне уважением. Из чего можно заключить, что главная задача моего жизненного существования сводится к обману толпы или, как минимум, той ее части, которая на меня взирает. Чем я, собственно, и занимаюсь. Теперь мне доставляет истинное счастье отпускать в адрес этой части язвительные смешки. Другие могут поступать, как им заблагорассудится,

² Банши – персонаж ирландского фольклора; женщина, согласно поверьям, появляющаяся возле дома обреченного на смерть.

но лично я ни одной живой душе не признаюсь, что акробата, циркового медведя журналов и жонглера юмористических газетных заметок никоим образом нельзя считать драгоценной жемчужиной философии или искусства, – с напором в голосе подвел он под своей речью черту.

– Не верю ни одному вашему слову, – сказала мисс Вустер.

– А чего вы хотели от автобиографии? – резко спросил Холланден.

– Ну, хорошо, Холли, – воскликнула младшая сестра, – но ведь вы так и не объяснили нам, почему писатели так отличаются от других, хотя вроде бы собирались.

– Знаете, Миллисента, – раздраженно бросил Холланден, – полагать, что человек обязательно станет делать то, что собирался, – большая ошибка. – В глазах литератора мелькнула какая-то идея. – Кстати, – продолжил он, – если быть честным до конца, ничего особенного в писателях нет.

Старшая мисс Вустер бросила на него гневный взгляд:

– В самом деле? Нет-нет, я не имею в виду вас, но как быть с другими?

– Они все ослы, – добродушно заявил Холланден.

Старшая мисс Вустер задумалась.

– Похоже, вы подбрасываете ту или иную мысль, а потом преднамеренно нас путаете!

Теперь уже задумалась младшая.

– Знаете, Холли, вы просто смешной старикан!

С видом оскорбленного достоинства Холланден поднялся

с валуна:

– Ну что же, пойду пройдуся, заодно посмотрю, не испортили ли наши друзья завтрак, сломав себе на этих камнях шею. Миссис Фэнхолл, вы хотели бы устроить пикник прямо здесь? Если что, не стесняйтесь спросить совета у девушек. Уверяю вас, у меня хватит и сил, и самообладания заставить их сделать все как нужно. Даже не сомневайтесь! Когда я был в Брюсселе...

– Ну хватит, Холли, ни в каком Брюсселе вы не были, – сказала младшая Вустер.

– И что из этого, Миллисента? – спросил Холланден. – Не забывайте, мы говорим об автобиографии.

– Мне, Холли, конечно, все равно, но вы нам бессовестно врете.

Он отчаянно махнул рукой, повернулся и собрался было удалиться, но в этот момент сестры Вустер хором закричали:

– Эй, Холли, не уходите! Не сердитесь, нельзя же так. Мы совсем не намеревались вас дразнить. Нет, Холли, правда!

– Если не хотели, то почему тогда... – начал было Холланден.

Старшая Вустер неподвижно смотрела на вершину скалы:

– Вот они где! Интересно, почему бы им не спуститься вниз?

Глава VI

Сеттер Стэнли подошел к краю обрыва, глянул сверху на водопад и завил хвостом в дружелюбном приветствии. Он держался начеку, чтобы тут же отпрыгнуть, если этой исполинской зверюге придет в голову протянуть к нему пенистую лапу.

Девушка задумчиво смотрела на скалы, видневшиеся за соснами на противоположном берегу; издалека казалось, что скалы от старости или по другой какой-то причине пошли красными пятнами. Хокер лениво бросал в ничего не замечавшего пса кусочки мха, но неизменно промахивался.

– Наверное, здорово думать не только о брэнном человеческом существовании, но и о чем-то другом, – произнесла девушка, не сводя глаз со скал.

– Полагаю, вы имеете в виду искусство? – сказал Хокер.

– Разумеется. Что ни говори, а это лучше прозы жизни.

Молодой человек на несколько мгновений задумался.

– Да, вероятно вы правы, – наконец ответил он. – С другой стороны... Все может оказаться и не так.

Собеседницу его слова, казалось, опечалили.

– Нет-нет, ни в коем случае. Прекратите! Не говорите так, это ужасно! Я всегда думала, что художники...

– Ну конечно! Художникам обязательно должно быть лучше, чем другим! Может, так оно и есть, я не знаю, иногда

мне и самому так кажется, но только не сегодня.

– Просто я подумала, что вас жизнь должна радовать больше, чем заурядных людей. Вот я, например...

– Вы! – закричал он. – Вы не заурядный человек!

– Может быть... но... я лишь хочу сказать, что, когда пытаюсь припомнить, о чем думала в своей жизни, у меня почему-то ничего не получается.

– Не говорите так!

– Но почему вы настаиваете на том, что жизнь должна казаться мне такой уж привлекательной?

– Потому что у вас для этого есть все, чего только можно пожелать, – ответил он глубоким, мрачным голосом.

– Это не так. Я же женщина.

– Но...

– Чтобы иметь все, чего только можно желать, женщине нужно стать самим Провидением. Порой ей хочется того, чего во всем мире не сыщешь.

– Чего же именно? – спросил он.

– В том-то и дело, что этого не знает ни одна живая душа.

– Мне кажется, вы большая сумасбродка.

– Что?

– Вы большая сумасбродка, и на вашем месте, будучи наследником крупного состояния, я бы...

Девушка вспыхнула и сердито повернулась к нему.

– Да-да! – ответил он ей не менее гневным взглядом. – Сумасбродка, и отрицать это бессмысленно.

Она немного помедлила, глядя на скалы, и наконец изрекла:

– Вашу душу, вероятно, переполняет презрение.

– Да нет же, уверяю вас, я отнюдь не высокомерен. И если мою душу что-то и переполняет, то не презрение, а восхищение. Слава богу, я человек светский и всегда прихожу в восторг, когда встречаю богатую наследницу.

Эти слова он произнес с видом побитой собаки. Девушка тут же окинула его ледяным взглядом.

– Кроме того, вы замечательно храбры.

Он сел в высокую траву и засмотрелся на облака.

– Вам бы больше пристало быть китайским наемником, – сердито сказала она.

Хокер бросил в Стэнли еще один комочек и на этот раз попал в голову.

– С научной точки зрения вы самый невыносимый человек на всем белом свете, – добавила девушка.

Стэнли немедленно подбежал к хозяину, желая убедиться, что влажный ком, влетевший в лоб, вовсе не означает серьезного недовольства его собачьим поведением. Хокер схватил пса за длинные уши и попытался завязать их узлом.

– Не понимаю, какой вам интерес внушать окружающим отвращение, – продолжила мисс Фэнхолл.

Так и не сумев завязать собаке уши, Хокер откинулся назад.

– Ничего я не внушаю, – сказал он.

– Нет внушаете.

– Нет, не внушаю.

– Как это не внушаете! Говорите самые ужасные вещи, да еще с таким видом, будто это доставляет вам неподдельное удовольствие.

– И что же такого я сказал? Ну, что?

– Как это что? Вы сказали, что, встречая богатую наследницу, неизменно приходите в восторг.

– И что в этом плохого? – пожал плечами Хокер. – В чем вы меня обвиняете?

– Но ведь это ужасно.

– Отнюдь, – угрюмо ответил он. – В моем понимании это дань – вежливая и любезная.

Мисс Фэнхолл подошла к краю утеса и стала смотреть на водопад, думая о чем-то своем. Далеко внизу ветки болиголова кивали и кивали в такт накатывавшимся на них волнам.

Какое-то время спустя Стэнли заметил копошащихся во мхе муравьев и уставился на них, виляя хвостом.

– Разве не странно, – заметил Хокер, – что такое большое животное, как собака, радуется, глядя на этих вот крох?

Пес слегка поворошил лапой мох и вытянул вперед морду; судя по всему, он собирался посмотреть, что в сложившихся обстоятельствах будут делать муравьи.

– В сезон охоты, – продолжал Хокер, – Стэнли признает только две вещи – своего хозяина и куропаток. Ничего другого для него не существует. Он прет через лес, будто сталь-

ная машина. А когда учует птицу... Ах, как это прекрасно! Вам не хотелось на него в такой момент взглянуть?

Некоторые муравьи, вероятно, вознамерились обороняться; Стэнли счел это поводом для волнения, отпрыгнул назад и недовольно зарычал.

Еще немного помолчав, Хокер добавил:

– И вот взгляните сейчас на этого глупого любимца нашей семьи! Копшение муравьев его в высшей степени интригует, он смешон, он ведет себя как ребенок, муравьи представляют для него предмет чрезвычайной важности. Эй, дурачина, оставь их в покое!

У Стэнли был такой вид, будто ему не дали довести эксперимент до конца, будто он собирался сказать хозяину, что муравьи – самые паразитерные живые существа, которых ему доводилось видеть в жизни.

– Да, кстати, – произнес Хокер, когда его взгляд упал на скалы на противоположном берегу, – вы когда-нибудь слышали легенду вон о том камне? Вон о том! Не слышали? Что? Слышали? Нет? Ну так давайте я вам расскажу.

И он поудобнее расположился в высокой траве.

Глава VII

– Давным-давно жила-была красивая девушка, как водится, индианка. Ее, как водится, любил юноша из другого племени – красивый, сильный и не знавший себе равных в охоте. Но отцом девушки, как водится, был старый безжалостный вождь, поэтому, когда встал вопрос о замужестве дочери, он, как водится, заявил, что она должна выйти замуж только за воина их племени. Услышав об этом, молодой человек, как водится, сказал, что бросится вниз со скалы. Старый вождь, как водится, давно ожесточился сердцем, и юноша, как водится, сделал так, как сказал. А девушка, как водится, плакала.

Хокер немного подождал и с упреком в голосе произнес:

– Вы, по всей видимости, совсем не любите фольклор.

Девушка вдруг склонила набок голову и прислушалась.

– Слышите? – сказала она. – Нас зовут. Это же голос Холли! Вы что, не слышите?

Они перешли на другое место, где верхушки деревьев не загораживали вид, и увидели Холландена, который махал им руками.

– Приглашение на ланч, – сказал Хокер. – Взгляните, как он неистовствует!

На крутой тропинке Хокеру приходилось то и дело помогать девушке. Каждый раз, когда он протягивал руку, чтобы

поддержать ее на этом коварном, но для него поистине благословенном склоне, в его глазах зажигался огонь. Сама она, похоже, погрузилась в раздумья.

Спуск выдался долгим. Молодой художник вдруг сел на ствол старого поваленного дерева и сказал:

– Не знаю почему, но стоит мне оказаться рядом с вами, я тут же теряю и остроумие, и добродушие, а заодно и все остальное. Вот не везет!

Мисс Фэнхолл он оставил беспомощно стоять на большом валуне.

– Давайте быстрее! – сказала она. – Нас ждут!

Сеттер Стэнли, все время следовавший за ними, завил ял хвостом, ожидая, когда они двинутся дальше либо освободят ему дорогу.

Хокер покачал головой и уныло еще раз повторил:

– Вот не везет.

– Да быстрее же! – воскликнула девушка. – Нас ждут!

За ланчем мисс Фэнхолл по большей части хранила молчание, в то время как Хокер демонстрировал чуть ли не сверхчеловеческое дружелюбие. По какой-то непонятной причине ему показалось, что все его полюбили, и он уверовал, что быть остроумным очень и очень легко. Холланден слушал его с добродушной миной на лице.

У берега к иве была привязана лодка. После ланча Холланден усадил в нее всю компанию дам и повез кататься; на лодке можно было подплыть ближе к струям водопада, с шу-

мом низвергающегося на каменные глыбы. Стэнли героически прыгал в воду, принося палки, которые ему бросал маленький Роджер.

Хокер с мисс Фэнхолл в молчании созерцали пузыри, плавающие на поверхности черной воды.

Утомившись от этого зрелища, молодой художник тихо произнес:

– Так что вы не кто иная, как наследница.

В ответ девушка лучезарно улыбнулась, подняла на него глаза и сказала:

– Если вы сочтете за лучшее исправиться и впредь не будете таким злокой, так и быть, я вас прощу.

Домой возвращались под вечер, в хмурой тени холмов. Стэнли неторопливо трусил рядом с коляской. Сестры Вустер попросили Холландена спеть, но в итоге только разругались с ним, и в коляске стояла тишина, пока впереди не замерцали огоньки пансионата.

Холланден пошел проводить друга до фермы.

– Ну, как тебе пикник? – спросил писатель.

– Отлично.

– Когда перекусываешь на природе, варенье, как правило, проливается на опавшие листья, а с них попадает тебе на брюки. Впрочем, на этот раз все обошлось. – Он посмотрел на Хокера: – Хотя по тебе не скажешь, что ты превосходно провел время.

Хокер трагически махнул рукой:

– Может, да, может, нет. Не знаю

– Что случилось? – спросил Холланден.

– А то ты не понимаешь! – угрюмо ответил художник. – Я же тебе говорил, что в присутствии этой девушки становлюсь совершеннейшим дураком. Меня нельзя назвать таким уж глупцом, Холли, и кому, как тебе, этого не знать. Но когда она рядом, я настолько теряю голову, что даже не могу спасти свою жизнь.

– Может, она ничего не заметила? – спросил Холланден, попыхивая трубкой.

– Не заметила! – насмешливо проворчал Хокер. – Еще как заметила! Говорю тебе, в разговоре с ней я становлюсь скучнее железного пса. Хотя даже не догадываюсь почему! – Последние слова он произнес дрогнувшим голосом.

Холланден задумчиво разглядывал его, выдыхая огромные клубы дыма.

– С некоторыми так действительно бывает, – сказал он. – Думаю, это чертовски неприятно. Странно, но я в таких обстоятельствах чувствую себя легко и свободно. Ты даже не представляешь насколько.

– Мне-то какое до этого дело? – ответил Хокер. – Все эти твои набившие оскомину амуры не имеют ничего...

– Хорошо, хорошо, не имеют, – перебил его Холланден. – То есть я хочу сказать, не имеют ничего общего с твоими возвышенными чувствами. – Потом он вдруг просиял и добавил: – Слушай, Билли, может, ты не такой уж дурак. Пони-

маешь, пребывая внутри ситуации, на нее нельзя взглянуть со стороны. К тому же никто и никогда не знает, о чем думает женщина. Никто и никогда, – повторил он. – В том числе и ты.

– Понятное дело, – обреченно согласился Хокер. – Так ты полагаешь, это мой единственный шанс?

– Господи, нельзя же быть таким идиотом! – в отчаянии воскликнул Холланден.

Некоторое время они шагали молча. Сосны, растущие вдоль узкой дороги, словно вели с ветром таинственный разговор, изобилующий свистящими звуками. Сеттер Стэнли, добровольно взявший на себя обязанность стеречь мужчин от опасностей, теперь крался чуть ли не на цыпочках, сверкая в разные стороны глазами и по-собачьи поругиваясь.

– А тут еще работа не ладится! – выпалил Хокер. – Лето, я приехал сюда писать, но до сих пор не сотворил ничего достойного.

– Тебе не кажется, что свалившаяся на тебя любовь убивает твой гений? – рассудительно спросил Холланден.

– Ну, нет. Было б так, я бы просто повесился.

Холланден картинно вздохнул:

– Ох, а я уж было подумал, что все эти байки по поводу кризиса творческих натур – правда. Но теперь вижу, с тобой все в порядке. Ты, вероятно, будешь сидеть тише воды ниже травы и лелеять грезы, так?

– Чтоб тебе пусто было с твоими грезами! Они мне жизнь

не спасут.

– Вообще-то, я имел в виду кое-что другое.

Глава VIII

Синяя гладь ночного озера, казалось, была вышита черными силуэтами деревьев. С поднятых весел срывались серебристые капли. Где-то на берегу время от времени сиротливо таял на звезды пес.

– И все равно жизнь в мастерской... – начала девушка.

– Нас было шестеро, – насмешливо фыркнул Хокер. – По большей части мы курили, иногда играли в дурака или покер, причем заметьте, всегда только в долг. А когда у нас находились материалы и было чем заняться, работали. Вы когда-нибудь видели изумительный красно-зеленый дизайн обычной банки консервированных помидоров?

– Да.

– Ну так знайте, это моих рук дело. Каждый раз, когда речь заходит о помидорах, помните, что дизайн упаковки разрабатывал я. Вернувшись из Парижа, я первым делом бросился писать, беда лишь в том, что никому это не надо было. Потом мне пришлось перейти на зеленые бобы и спаржу...

– В самом деле?

– Да.

– И все равно жизнь творца...

– Нас было шестеро, да. И уж так получалось, что деньги появлялись только у кого-то одного. Остальные пятеро жили за его счет и за это себя презирали. То есть мы питали к себе

презрение в пять раз чаще, чем восторгались.

– И все только потому, что у вас не было денег?

– Потому, что у нас не было денег в Нью-Йорке! – ответил Хокер.

– Но потом, вероятно, что-то случилось...

– Как бы не так! Да, в воздухе действительно вечно что-то такое носится, но когда доходит до дела – ничего не происходит.

– Но в подобных случаях настоящим благословением могут стать близкие. Сострадание...

– Близкие! – воскликнул Хокер.

– Ну да, – сказала девушка. – Близкие и друзья. Сопереживание и понимание...

– Сопереживание, понимание! – покачал головой Хокер. – Кто бы сомневался!

У него, казалось, настолько испортилось настроение, что мисс Фэнхолл умолкла. Челн скользил среди теней к заводу, где вода напоминала хрусталь. Стэнли на берегу метался в камышах и шлепал по мелководу, то и дело напоминая о себе обиженным поскуливанием. Хокер не выдержал и осадил его строгим окриком, после чего сеттер стих. Меж облаков равнодушно скользила луна.

– Мне понравилась ваша последняя картина.

– Что?

– На недавней выставке вы выставляли полотно с коровами на снегу и стогом сена. Вполне возможно, что там было

и что-то еще.

– А, ну да, конечно, – ответил он. – Вам и в самом деле понравилось? Из всех моих работ эту я считаю лучшей. Неужели она вам запомнилась? – Потом его словно осенило. – Да нет же, признайтесь, что в вашей памяти ее воскресил Холланден!

– Что вы такое говорите! – опровергла девушка обвинение. – Я сама ее запомнила.

– И по какой же причине? – спросил он, словно у него был повод возмутиться.

– По какой причине? Во-первых, она мне понравилась, а во-вторых... знаете, я слышала, что ее называли лучшим произведением на всей выставке... Около нее все стояли и обсуждали. Да, Холли мне о вас рассказал, и я...

– Впрочем, какая разница, – оборвал ее Хокер. Потом немного помолчал и добавил: – Как бы там ни было, а хорошим это полотно никак не назовешь!

– Зачем вы так говорите? – вскинулась девушка. – Оно прекрасно. Я, конечно, ничего не понимаю и не могу судить о живописи, но все говорили, что картина просто чудесна.

– Нет, в ней нет ничего хорошего, – гнул он свое, упорно качая головой.

Из темноты до них донесся плеск весел Холландена. Время от времени к нему прибавлялось повизгивание барышень Вустер; потом на лодке писателя начались ожесточенные споры, касающиеся особенностей навигации.

– Послушайте, – вдруг сказала мисс Фэнхолл, – завтра ведь приезжает мистер Оглеторп!

– Мистер Оглеторп? В самом деле? – спросил Хокер.

– Да. – Она опять уставилась на воду. – Наш старый друг. Он всегда с нами так добр, а Роджер и маленькая Элен от него просто без ума. В колледже он близко сошелся с моим братом, и, пока Герберт не умер, они были неразлучны. Мистер Оглеторп всегда дарит мне фиалки. Я знаю, он вам понравится.

– Будем надеяться, – ответил Хокер.

– Как же я буду рада его снова увидеть! Вы не знаете, в котором часу прибывает утренний дилижанс?

– Около одиннадцати.

– Мы получили от него письмо с обещанием приехать. Надеюсь, он нас не разочарует.

– Не сомневайтесь, вскоре он будет здесь, – заверил ее молодой художник.

Над гребнем горы, где в лунном свете стояли величественные сосны, пронесся порыв ветра. Где-то на озере крикнула странным, потусторонним голосом гагара. Хокер направил лодку к причалу, лицо девушки на заднем сиденье озарила полоска света, и он стал грести совсем медленно.

Мисс Фэнхолл поставила локти на колени и опустила на ладони подбородок. Теперь она смотрела в какую-то точку отрешенным сияющим взглядом. Глядя на нее, Хокер греб как во сне. Ему было трудно оторвать от нее взгляд, и в эту

минуту его переполняли надежды.

Наконец мисс Фэнхолл медленно произнесла:

– Как бы мне хотелось, чтобы он нас не разочаровал...

– Не переживайте, не разочарует, – ответил Хокер.

– Ох, от него можно ожидать чего угодно. Дети будут рады, впрочем, как и взрослые. Я знаю, он вам понравится!

Глава IX

– Да? – переспросил Холланден. – Оглеторп... Оглеторп... Вспомнил! Это же друг Фэнхоллов! Как же, как же, я его знаю! Парень что надо. Так что там с ним?

– Ничего, просто он завтра приезжает, – ответил Хокер. – Какой он, говоришь?

– Парень что надо! А что тебя так... Ах да, он же твой соперник, клянусь девятью полоумными кузнецами из Донавиру! Ну конечно! Вот черт, это же ясно как день, но сегодня я почему-то веду себя как последний болван!

– Где у тебя табак?

– Вон там, в той баночке. Трубка есть?

– Ага. Откуда ты взял, что он мой соперник?

– Ну как же, разве он не... Послушай, от этого даже дух захватывает!

Холланден вскочил на ноги, набил свою трубку, плюхнулся на стул и стал исступленно раскачиваться из стороны в сторону, выпуская клубы дыма.

Хокер стоял, лицо его скрывалось в тени.

– Ну, хорошо, думаю сейчас лучше пойти домой и лечь спать, – наконец произнес он голосом, в котором сквозила смертельная усталость.

– Пстой! – воскликнул Холланден, отводя глаза от потолка, который перед этим ему пришлось долго созерцать. –

Не уходи! Сейчас самое время... Кто бы мог подумать, что Джем Оглеторп встанет на твоём пути! И именно сейчас!

– Какой же ты все-таки мерзкий остолоп! – в гневе закричал Хокер. – Вместо того чтобы сидеть и нести чушь, глядя в потолок, лучше бы мне что-нибудь о нём рассказал!

– Клянусь, я...

– Да заткнись ты! Давай рассказывай о своём Оглеторпе. Я хочу все о нём знать. На остальное мне сейчас наплевать!

– Как тебе сказать... В общем, Джем Оглеторп один из лучших парней, которых я когда-либо знал. Ах, если бы он только был ослом! Если бы он был ослом, тебе не пришлось бы беспокоиться. Но он не дурак. Далеко не дурак. Среди тех, кто знаком с Джемом Оглеторпом, нет ни одного, кому бы он не нравился! Исключение из этого правила составляют лишь полные кретины!

Окно было открыто, и через него в небольшую комнатку доносились голоса сосен, напевающих свой бесконечный печальный мотив. Хокер придвинул стул ближе к окну, сел и уставился во тьму. На крыльце пансионата то и дело слышалось: «Доброй ночи! Доброй ночи!»

– И у него конечно же целый вагон денег, да?

– Ещё бы! Он может выложить ими мостовую не одной улицы. Да, ну и дела!

Сердито нахмутив брови, Хокер с силой пнул комод:

– Послушай, Холли! Порой у меня складывается ощущение, что ты видишь во мне какого-то жука. Тебе явно нра-

вится смотреть, как я копошусь и терзаюсь, но...

– Перестань, не дури! – сказал Холланден, глядя на него сквозь облако дыма. – В сложившихся обстоятельствах у тебя есть полное право говорить всякую чушь и бить копытом с видом оскорбленного лунатика, но прошу, не обрушивайся на меня с подобными нападками, тем более что я в данной ситуации делаю для тебя все, что могу.

– Делаешь все, что можешь? Да тебя об этом никто и не просил! Ты говоришь со мной, как с ребенком.

– Вот-вот! Значит, я не ошибся! Стоило мне это сказать, как ты тут же вспыхнул, как огненный шар, да? Как ты не поймешь, черт бы тебя побрал, что в твоём положении мужчина куда хуже ребенка!

Хокер, казалось, опять проникся к себе величайшим отращением.

– Ох, Холли, ты конечно же прав, – махнул он рукой. – Понимаешь... у меня такое чувство, будто...

– Конечно, такое, а каким ему еще быть? – кивнул Холланден. – Так что не переживай, старина, все в порядке.

– А теперь послушай меня, Холли, этот Оглеторп...

– Черт бы его побрал!

– Так вот этот Оглеторп появляется здесь в тот самый момент, когда у меня, пусть даже не сейчас, а немного погодя, может появиться шанс. Поскольку ты с ним знаком, опиши мне его вкратце.

– Я бы посоветовал тебе...

– Плевал я на твои советы! Расскажи мне об Оглеторпе.

– Ну, хорошо. Начнем с того, что он, как я тебе уже говорил, на удивление замечательный мальй, поэтому...

– Давай пока обойдемся без «поэтому»! Продолжай.

– Он на удивление замечательный мальй, и денег у него пруд пруди, хотя в данном случае это обстоятельство не оказывает особого влияния на ситуацию. Мисс Фэнхолл...

– Чертов писака! Ты не мог бы строже придерживаться канвы своего повествования?

– Ну что же, он пользуется популярностью. Никогда не говорит о деньгах. Горделив, но не настолько, чтобы талдычить всем о своих прегрешениях, коли таковые имеются. Блистательным до приторности его тоже не назовешь. В наши дни это делает человеку честь. Да и потом... Одним словом, если сложить все вместе, Джем Оглеторп, надо признать, потрясающий парень.

– Не знаешь, сколько он намерен здесь пробыть? – прошептал Хокер.

Во время разговора его трубка то и дело гасла, а теперь и вовсе не подавала признаков жизни. Он взял новую спичку. Когда он ею чиркнул, Холланден посмотрел на пальцы друга и произнес:

– Ты нервничаешь, Билли.

Хокер выпрямился на стуле:

– Нет.

– Но я видел как у тебя дрожали пальцы, когда ты зажигал

спичку.

– Врешь!

Холланденом вновь овладела задумчивость.

– К тому же он пользуется успехом у дам, – наконец сказал он. – Нередко бывает так, что женщина проникается симпатией к мужчине и охотится за его скальпом только потому, что знает другую, тоже бегающую за ним в надежде заполучить этот самый скаल्प.

– Да, однако...

– Помолчи! Ты конечно же хочешь сказать, что она совсем не такая, как другие, да?

– Не совсем, но...

– Не утруждай себя, я все понимаю.

Хокер немного помолчал и сказал:

– Мне пора.

Когда художник подошел к двери, Холланден крикнул:

– Вы только взгляните на него! Ни дать ни взять, утомленный паломник! – Его голос переполняло сострадание.

Хокер повернулся и запустил в облако дыма проклятие.

Глава X

– Послушайте, а где сегодня мистер Хокер? – спросила младшая мисс Вустер. – Я думала, он придет поиграть с нами в теннис.

– Не знаю, будь он неладен! Я понятия не имею, почему он не явился! – сказал Холланден, глядя на залитую солнцем долину и вопросительно хмурия брови. – Даже не догадываюсь, куда, к дьяволу, он мог запропасться.

Барышни Вустер тоже уставились на раскинувшийся перед ними золотисто-зеленый пейзаж.

– Он разве не говорил вам, что придет? – спросила она.

– Даже словом не обмолвился, – ответил Холланден. – Просто я вполне логично, как мне кажется, предположил, что утром он будет здесь. По-видимому, игру придется отложить до лучших времен.

Чуть погодя ему встретилась мисс Фэнхолл.

– Судя по виду, вы собрались немного прогуляться? – спросил он.

– Да, – ответила она, помахивая зонтиком от солнца. – Пойду встретить дилижанс. Вы не видели мистера Хокера?

– Нет, – ответил Холланден. – Утром он не приходил. Это зеленеющее поле вконец нарушило его душевный покой. Наверное, он опять там торчит и делает наброски. Все художники питают к своей работе поистине дьявольский интерес.

Осмелюсь даже выдвинуть гипотезу, что он объявится, только когда закончит. Так куда вы, говорите, собрались?

– Встретить дилижанс.

– Ну что же, в течение ближайшего часа мне не придется играть в теннис, и если вы настаиваете, то...

– Конечно, конечно!

Они медленно двинулись вперед под сенью листвы.

– Вам не показалось, что этот Хокер – субъект весьма невоспитанный? – спросил Холланден.

– Нет, не показалось. – Немного помолчав, она добавила: – А почему вы спрашиваете?

– Видите ли, его настолько поглощает вся эта мазня, что все остальное в мире, боюсь, ему совершенно неинтересно. На мой взгляд, настоящие художники неспособны на глубокие человеческие чувства. Многие из них буквально помешаны на искусстве, и в их жизни попросту нет места для чего-то другого.

– Ложь! – воскликнула она.

– Вы мне не верите? – насмешливо спросил Холланден. – Ну что же, в таком случае, девушка, позвольте заверить вас, что практически все сказанное мной – чистая правда. Смотрите, есть Хокер, в определенном смысле самый лучший парень из когда-либо живших на земле, но при этом художник. А теперь посмотрите, как он обращается со своим несчастным сеттером!

– Зачем вы так говорите? Он же его любит! – заявила она.

– А я вам говорю, что нет! – вскричал Холланден.

– Слушайте, Холли, вы... В таком расположении духа вы поистине ужасны.

– Нет, вам просто хочется со мной поспорить. А что до расположения духа, то оно у меня вполне нормальное. Идем дальше. Простодушный пес питает к нему нежную преданность, от которой у любого человека на глаза наворачиваются слезы...

– Верно, – заметила она.

– В то время как сам он... холоден и безжалостен, как...

– Нет, Холли, нет. Вы ужасно к нему несправедливы!

– Неправда. Просто я выступаю с позиций наблюдателя, свободного от любых предрассудков. Точно так же Хокер ведет себя и с окружающими, – мрачно продолжил он. – Не разбираясь в подобных вопросах, вы ничего такого не видите, но я могу вас заверить: мои собственные наблюдения доказывают, что в душе творца нет места человеческим чувствам. Что же касается собаки...

– Я думала, вы его друг, Холли...

– Чей?

– Ну не собаки же! К тому же, говоря по правде, в вас есть что-то противоестественное. Вы с такой глупой страстью присматриваетесь к людям, что даже позабыли о таком понятии, как элементарная преданность друзьям. Всему виной, надо полагать, ваше звание писателя, объясняющее очень и очень многое. Некоторые ваши черты в высшей сте-

пени неприятны.

– Ну вот! – жалобно воскликнул Холланден. – Заметьте, я всего лишь затронул вопрос об отношении к собаке. Боже праведный, вот это поворот!

– Собака здесь ни при чем. Мы говорим не о ней, а о вашем отношении к друзьям.

– Ну что же, – глубокомысленно изрек он, – это лишь демонстрирует, что в женском мозгу не бывает обезличенных понятий. Обещаю вам всесторонне обсудить...

– Ах, Холли!

– Во всяком случае, вам не пристало подобным образом выставлять меня таким дураком.

– Я не хотела... я даже в мыслях ничего такого не имела, Холли.

– Да и я тоже не собирался говорить вам ни о собаке, ни обо всем остальном.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.